

ПОХОРОННЫМ ЗВОНОМ...»

зимой (скорее всего, в конце февраля — начале марта. — Л.Г.) 1958 года вновь приехать в болгарский санаторий.

8 марта 1958 года Лидия Чуковская навестила Анну Андреевну в Болшеве. «Ехала туда и назад на Шпайзмане (фамилия владельца машины, имевшего какое-то отношение к Литфонду, которому было разрешено возить писателей. Им это обходилось дешевле, чем такси, а ему давало заработок. — Прим. авт.), — писала Лидия Корнеевна в дневнике. — Анна Андреевна во втором корпусе, в комнате крайней справа, возле балкона. Мне пришлось обождать в коридоре: у неё массажистка. 15 минут слушала я из-за двери махровые пошлости об ахматовских стихах. Наконец, та вышла, я вошла. Комнатёнка маленькая, чуть побольше ардовской. Анна Андреевна сидела в постели, укрытая одеялом до пояса, в одной рубашке. Выглядит она хорошо, лицо без отёков, свежее, даже чуть загорелое, но впечатление это обманчивое, она грустна и жалуется на слабость. Пульс вчера был 56. Жалуются, что ей не под силу снимать и надевать шубу, вешать шубу на вешалку, стягивать с себя тёплые башмаки, самой открывать форточку.

— Жить в санатории одна я больше не могу. Следующий раз непременно возьму с собой Иру (Пунину. — Л.Г.). Одна я не в силах».

Лидия Чуковская сообщила Ахматовой, что вчера (7 марта) окончила перечитывать первые части романа Пастернака («Доктор Живаго». — Л.Г.). Цитирую запись Лидии Корнеевны:

«— Ваш диагноз? — осведомилась Анна Андреевна.

— Кроме гениальных пейзажей, — сказала я, — которые детям в школах надо учить наизусть, наравне со стихами, многие страницы воистину ослепительны. Перечитывая, я соглашаюсь с собственным давним восхищением сороковых годов, когда я слушала первоначальные главы из уст автора и читала их по его просьбе сама. Замечательны девятьсот пятый год — по-видимому, девятьсот пятый, совпавший с юностью, всегда вдохновителем для Пастернака. А просторечье! Оно — концентрат, как в «Морском мятеже»! А мальчики — в сущности, братья — мальчики с нацеленными друг на друга дулами, «белые» и «красные» — в лесу! А «выстрелы Христовы» на улицах Москвы! А царь — удивление перед средоточием могущества в такой малости... Но вы правы: главные действующие лица неживые, они из картона, особенно картонен и сам Живаго. И язык автора иногда скороговорочно доведен до безобразия. Не до своеобразия, а до безобразия. Трудно бывает поверить, что это написано рукой Пастернака. «При поднятии на крыльцо изуродованный испустил дух». При поднятии! И это пишет автор «Августа»!

— В одной итальянской газете, — сказала Анна Андреевна, не

слушая меня, — напечатана статья под заглавием: «Неудавшийся шедевр».

«Мы, — продолжает Лидия Чуковская, — заговорили о здешней природе, о прогулках; я ведь жила здесь и знаю, что гулять тут, собственно, негде, что природа здесь дачная.

Анна Андреевна сказала:

— Сегодня в парке берёзы как берёзы, а когда они освещены солнцем, то становятся такими бесстыдно-нестеровскими...

Затем она занялась просмотром привезённых мною писем. (Я по дороге нарочно заезжала к Ардовым, куда доставили её ленинградскую почту. Теперь на подушке высилась целая горка.)

Внимательно рассмотрев конверт, прочитав письмо, Анна Андреевна каждое передавала мне.

Открытки, поздравляющие с 8 Марта. (Самый для меня непонятный праздник.)

Три письма из Чехословакии от учительниц и ещё от кого-то. Эти поздравляют не с 8 Марта, а с 40-летием Октябрьской революции, которая освободила чехов и словаков от ярма капитализма; авторы писем сообщают, что Ахматова для них — образец советской женщины, просят прислать стихи, пишут, что все они учатся у советской литературы и, в особенности, у Анны Ахматовой.

— Вот поворот, какого ни в каком романе не придумаешь, — сказала Анна Андреевна. — Я — образец советской женщины!.. Товарищ Жданов, где ты? Такое не приснится, не выдумается.

Из привезённой мною пачки она извлекла также письмо от Конрада по поводу каких-то её хлопот о какой-то Левинной книге. Хотя известия, насколько я могла понять, были благоприятные, письмо взволновало её.

— Мне не под силу больше хлопотать, — сказала она с раздражением».

Известный востоковед, академик Н.И. Конрад, подвергавшийся перед войной репрессиям, не убоился прочитать и одобрить рукопись зэка Льва Гумилёва, которую тот исхитрился переслать из лагеря. Затем академик Конрад в числе других учёных написал положительную характеристику на Льва Николаевича, что способствовало освобождению его с полной реабилитацией. По словам А. Хейт, в тот период «она (Ахматова) была очень озабочена хлопотами об издании книги своего сына об этногенезе Центральной Азии».

Лидия Чуковская писала в дневнике: «Раз пять за недолгое наше свидание произнесла она слова: «Мне больше не под силу». Сгоречью слушала я её. Не под силу самой снимать шубу, не под силу стягивать башмаки, не под силу хлопотать...» Будто и не худо сейчас складывается у неё жизнь: и Лёва дома, и книжка её выходит (сборник «Стихотворения» после 15-летнего перерыва издан московским ГИХЛ в 1958 году. — Л.Г.), и деньги кое-какие есть, и дача, и лечится она в санатории... Но истрачены силы.

Перед моим отъездом ей подали телеграмму, кажется, из Москвы. «Мы помним ваше мужество

42 года» — почему-то без подписи. Ну, а мне довелось помнить её мужество не одного какого-нибудь года — десятилетий. (...) Но Анна Андреевна телеграмму как-то пропустила мимо ушей.

Её занимало чехословацкое письмо. Перед моим отъездом она снова взяла его в руки и повторила:

— Такой сюжетный поворот и во сне не приснится. Моя оплывшая персона — образец советской женщины для братской социалистической страны! Прекрасно! «Всё смешалось в доме Облонских...»

Во второй половине марта 1958 года Лидия Чуковская вновь навестила Ахматову в Болшеве, в этот раз вместе с Юлианом Григорьевичем и Антониной Петровной Оксманами.

29 марта 1958 года Анна Андреевна написала на бланке почтового перевода письмо И.Н. Пунину: «Ирочка, я ещё у Ардовых, но м(ожет) б(ыть) в понедельник буду уже у Запавых. (...) В Болшеве было скучно».

Болшевские собеседники

Пребывание в санатории предполагает не только процедуры и общение с врачами. Во время приёма пищи и прогулок у каждого складывается свой круг общения. Был он в Болшеве и у Ахматовой и включал как пациентов, находившихся там на лечении, так и навещавших её гостей.

В 1952 году Анна Андреевна подружилась в Болшеве с сёстрами Игнатовыми — Натальей и Татьяной, происходившими из московской дворянской семьи. Их отец Илья Николаевич Игнатов (1858–1921) — критик, публицист, театровед, член редколлегии газеты «Русские ведомости», в которой вёл литературный и театральный отделы. Обе дочери Игнатова были музейными и редакторскими работниками. Следует добавить, что сёстры были племянницами замечательного писателя Михаила Пришвина, двоюродного брата отца. После смерти Ильи Николаевича Михаил Михайлович уделял много внимания его дочерям, которых очень любил.

Эмма Герштейн в своих воспоминаниях «Беседы с Н.А. Ольшевской-Ардовой» приводит письмо Ахматовой к Нине Антоновне, в котором та, в частности, сообщила, что «Наталья Ильинична Игнатова умерла». Эмма Григорьевна комментирует это сообщение так: «Безвременно умершая Наталья Ильинична Игнатова — новый друг Ахматовой, с которой она сблизилась так же, как и с её сестрой Татьяной Ильиничной Коншиной в Болшеве в 1952 г.».

Наталья Ильинична Игнатова (1897–1957) — литературовед, была ученицей философа и лингвиста Густава Шпета, расстрелянного в 1937 году. Дочь филолога Марина Густавовна вспоминала о дружеских отношениях, которые установились между её отцом и Натальей Игнатовой. Они подружились, работая в ГАХНе. Когда Шпет находился в ссылке, Наталья Ильинична приезжала в Томск, чтобы поддержать его. Их интеллектуальное общение ду-

ховно обогащало обоих. Между ними в 20-е годы прошлого века велась переписка, которая частично сохранилась. Вместе с литературоведом и библиографом Елизаветой Коншиной Наталья Ильинична подготовила к печати и прокомментировала «Записные тетради Ф.М. Достоевского» (М.-Л., 1935). В последние годы жизни На-

Анна Ахматова с сыном Львом Гумилёвым.

татья Ильинична работала редактором в издательстве АН СССР.

Татьяна Ильинична Коншина (в девичестве Игнатова, 1892–1972) — историк, автор воспоминаний, провела несколько лет в лагере в Казахстане, как «член семьи врага народа»: она была женою инженера Сергея Коншина, расстрелянного в 1937 году. В последние годы Татьяна Ильинична переводила для Института естествознания тексты со старонемецкого.

Сёстры часто брали машину и вместе с Анной Ахматовой совершали поездки по Подмосковию. Татьяна Ильинична вспоминала: «Звоним: «Анна Андреевна, как вы относитесь сегодня к прогулке?» Ответ: «Я? С визгом». Она любила эти поездки, особенно потому, что, как говорила, родилась под другим небом и московское ей особенно интересно и приятно».

Отзвук одной из таких поездок есть в стихотворении Ахматовой, в котором упоминается Рогачёвское шоссе. Первоначально, ещё до того, как вошло в цикл стихотворений памяти Блока, оно было посвящено Н.И. Игнатовой.

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к берёзам и грибам,
К широкой осени московской.
Там всё теперь сияет, всё в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачёвское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока.

Анна Андреевна надолго запомнились эти совместные прогулки, доставлявшие ей большое наслаждение, и в телеграмме Коншиной от 9.IX.1960 года она писала: «Вспоминаю наши прогулки втроём. Благодарю за милое письмо. Берегите себя».

Лидия Чуковская записала отзыв Анны Андреевны о речи её московских друзей: «Дивно гово-

рит Борис Леонидович (Пастернак), чисто по-московски, лучшего языка я не слышала, и сёстры Игнатовы. Фонетически определить, в чём тут дело, я не могу, но наслаждение их слушать».

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся воспоминания Татьяны Коншиной, в том числе о встречах с М.М. Пришвиным (двоюродным дядей автора), Сергеем Эфроном, о беседах с Анной Ахматовой. Там же хранятся письмо и несколько телеграмм Ахматовой, адресованных

Коншиной. В них проявляются любовь и забота о друзьях. В ответ на письмо Татьяны Ильиничны о том, что она болеет, Ахматова отправила телеграмму: «Благодарю за письмо. Умоляю лечиться. Жду вестей. 28.XII.1957 года».

В каждый свой приезд в Москву Анна Андреевна стремилась повидать друзей. В телеграмме от 9.IV.1959 года она сообщила Коншиной: «Приехала. Очень хочу вас видеть. Позвоните Ордынку. Целую».

Во время очередного посещения Москвы в 1962 году Ахматовой не удалось повидаться с Коншиной, и она, вернувшись в Ленинград, отправила Татьяне Ильиничне телеграмму: «Грущу, что не повидалась с вами. Не хватило сил. Люблю, помню обеих. Пишите Комарово».

В 1963 году Татьяна Ильинична подарила Анне Андреевне небольшой портфельчик из светлой кожи. Ахматова написала ей в письме: «Дорогая Татьяна Ильинична, ещё раз благодарю вас за восхитительный и трогательный подарок. Я, конечно, не передарю его, а положу в него мои стихи и завещаю Пушкинскому дому, как память о Ней».

Под памятью «о Ней» Анна Андреевна имела в виду память о Наталье Ильиничне, с которой она была дружна.

«Очень люблю беседовать с Анной Андреевной, — писала Татьяна Коншина в воспоминаниях, — люблю её юмор, её мудрость, её большие знания как в области литературы, так и в области человеческой психологии. Странно, этого ведь совсем не чувствуется в её стихах, в них нигде нет юмора, нечего в них искать и той житейской мудрости, которая сквозит в её речах. Лирика, любовный накал, романтика, которыми наполнены её стихотворения, полностью отсутствуют в беседах с ней. Вот такая она!»

Леонид ГОРОВОЙ
Фото из архива автора
(Окончание следует)